

УДК 949470) «19/...»

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В НАЧАЛЕ XX в. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

О.Б. Халидова,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

O.Khalidova2011@mail.ru

Аннотация: В статье дан анализ политики российского государства в начале XX в. в отношении мусульманского населения Северного Кавказа, направленной на формирование среди горцев имперской идентичности и сознания. Основное внимание уделено ее влиянию на мусульманское население Дагестана.

Abstract: The article deals with the analysis of the policy of Russia in regard to Muslim population of the North-East Caucasus at the beginning of the 20th century. The policy was intended to form imperial identity and consciousness. The author gives special consideration to its influence on Muslim population of Dagestan.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Дагестан, мусульмане, российское законодательство, панисламизм.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Dagestan, Moslems, Russian legislation, Pan-Islamism.

На протяжении многих веков Россия формировалась как поликонфессиональное государство, поэтому религиозная политика представляла собой одно из важнейших направлений ее внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности.

Конфессиональная политика на Северном Кавказе проводилась как часть государственной политики России. Значимость религиозного фактора учитывался в каждом конкретном случае. В частности, ставилась задача приобщения «окраины к общерусской гражданственности» и установления органичного единения горских народностей с Россией. Речь шла о прочной и глубокой социально-политической интеграции народов Северного Кавказа в российское общество и государство.

Начало XX в. ознаменовалось этапом либерализации конфессиональной политики Российской империи, чему способствовало издание императором Николаем II манифеста 26 февраля 1903 г. В документе указывалось на необходимость «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые благоговейно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, представляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» (Цит. по: *Савинский С.Н.*, 1999. С. 248).

Отметим, что наибольшее число «подданных иноверных исповеданий» составляли магометане, количество которых в России к концу XIX в. было практически равным числу мусульман в Османской империи – 18 млн. (*Ланда Р.Г.*, 1995. С. 107).

12 декабря 1904 г. вышел указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (См.: *Митрофанов Г.*, 2002. С. 9), предусматривавший осуществление целого ряда реформ. Его положения касались религиозной терпимости, свободы слова и реформы законов о печати, пересмотра трудового законодательства (Программа модернизации России...). В пункте 6 говорилось: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26-го февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освещенную основными законами империи терпимость в делах веры подвергнуть пересмотру указания о правах... лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям..., принять... в административном порядке соответствующие меры к

устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (Полное Собрание Законов Российской империи..., 1903. Ст. 25495).

Комитет министров с 25 января по 1 марта 1905 г. провел 6 заседаний, с целью выработки положений нового закона о вероисповеданиях (Всепопданнейший отчет обер-прокурора..., 1910. С. 14). По инициативе председателя Совета министров С.Ю. Витте в работе заседаний участвовал Петербургский митрополит, первенствующий член Святейшего Синода Антоний (Вадковский) (Смолич И.К., 1997. С. 694). Таким образом, к работе над законами, регулирующими положение религии в государстве, была подключена православная церковь. В результате, Комитет установил порядок сооружения молитвенных домов иноверных исповеданий, порядок избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших, принял решение об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства, учредил порядок открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе и др. (См.: Закон о веротерпимости..., 2001. С. 175–182).

Положения Комитета министров были утверждены и 17 октября 1905 г., когда был обнародован указ «Об укреплении начал веротерпимости», который провозгласил:

- дарование свободы совести, слова, собраний и союзов;
- привлечение к выборам более широких слоев населения (дается избирательное право тем слоям, у которых его никогда не было);
- обязательный порядок утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов (т.е. формируется законодательный орган) (Полное Собрание Законов Российской империи..., 1905. Ст. 26803).

Основное положение данного манифеста гласило: «признать то, что отход от Православной веры в другие христианские исповедания или вероучения не подлежит преследованию и не должен влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий» (См.: Тихонов А.К.), то есть впервые признавалось юридически возможным равенство вероисповеданий. Но и в новой редакции «Основных законов Российской империи» оставалась статья, провозглашавшая православную церковь первенствующей и господствующей. По-прежнему существовали некоторые запреты на переход в иные конфессии, и в частности, в исламскую религию. Так, в 1909 г. министр внутренних дел и департамент духовных дел уведомляет военного губернатора Дагестанской области о том, что «1) действующими в Российской империи узаконениями переход из православия в нехристианские вероисповедания, в том числе и в магометанство, не допускается...» (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 8–9). Указ имел подтверждение и в последующие годы. Например, в 1911 г. Терское областное управление предписывало всем атаманам отделов и начальникам округов «блюсти за точным исполнением муллами правил, установленных законом при переходе христиан в мусульманство...» (ЦГА РД. Ф. 43. Оп. 1. Д. 5. Л. 4).

Данный законодательный акт был первым в истории Российской Империи, в котором император заявлял о буржуазно-демократических свободах. Но это были заявления декларативного характера. Формированием законодательного органа Николай II отказывается от единоличного законотворчества. В стране возникают и легализуются многие политические партии, в своих программах, формулирующие требования и пути политического преобразования строя.

Манифест послужил толчком к созданию многих законодательных актов. Так, 11 декабря 1905 г. вышел указ «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу», по которому все слои населения получали избирательные права и делились на 4 курии (Полное собрание Законов Российской империи..., 1905. Ст. 27029).

Отметим, что указ «Об укреплении начал веротерпимости» расширил права, прежде всего, старообрядчества и сектанства. Все христианские конфессии получили преимущества перед нехристианскими. Разрешался переход из одной христианской конфессии в другую. Переход из христианской веры в нехристианскую был сопряжен с определенными сложностями. Подчеркнем, что в отношении мусульман закон только продекларировал намерение правительства пересмотреть систему управления мусульманами – что действительно дало импульс к разработке нового законодательства: весной 1906 г., руководствуясь статьей 15 указа о свободе вероисповедания, И.И. Воронцов-Дашков предложил магометанам Кавказа обсудить интересующие их вопросы. 24 июня того же года во Владикавказе состоялось совещание мусульманского духовенства Терской и Кубанской областей, выработавшее решение об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного духовного правления для

мусульман Северного Кавказа во главе с избираемым муфтием (*Кумпан Е.Н.*, 2005. С. 168). Данное положение не было реализовано и окончательное разрешение проблемы было отсрочено.

Оставался в силе запрет на пропаганду неправославных вероучений, хотя реальная необходимость его отмены обсуждалась вплоть до 1917 г. (14 июля 1917 г. был принят закон о свободе совести. – Авт.)

Объявление веротерпимости в целом по стране повлекло массовые отпадения от православия, преимущественно в римско-католическое, магометанское и лютеранское исповедания (Всеподданнейший отчет обер-прокурора..., 1910. С. 29).

Провозглашенная в 1905 г. свобода вероисповедания не являлась свободой совести. Вышеуказанное означало не свободу религиозных убеждений, а только право свободного отправления веры. При этом каждый человек был обязан принадлежать к какой-либо конфессии (*Миронов Б.Н.*, 1999. С. 158).

В контексте новой либеральной политики Российского государства присутствовал фактор так называемого «исламского просвещения». По замечанию В.А.Матвеева «исламское просвещение предназначалось не только для народов исповедовавших ислам – мусульманская литература, в частности, Коран, переводилась и на русский язык, поощрялось строительство мечетей» (*Матвеев В.А.*, 1998. С. 25). Для более ясного понимания вышеуказанного и то, как это отражалось на национальных окраинах империи, ниже мы приведем данные по Дагестанской области.

В Дагестанской области численность мусульман (сунниты и шииты) составила 585536 человек (Обзоры Дагестанской области за 1899 г., 1900). Количество мечетей с начала XX в. по 1910 г. увеличилось на 69 – с 1493 до 1562 (Обзоры Дагестанской области за 1902–1907 гг.). Что касается мусульманских школ, то это были школы при мечетях. Количество таких школ, по данным Обзоров Дагестанской области, в период с 1902 г. по 1907 г. выросла на 103 – с 644 до 747 (Обзоры Дагестанской области за 1902–1907 гг.). Количество примечетских школ плохо прослеживается по приводимой статистике. По замечанию профессора Г.Ш. Каймаразова, «религиозные школы, возникая в любое время года, главным образом в зависимости от наличия преподавателя и учащихся, и неожиданно закрываясь, плохо поддавались регистрации» (*Каймаразов Г.Ш.*, 1989. С. 87). Например, если в 1907 г. их количество достигало 747, то в 1908 г. – 718 (Обзоры Дагестанской области за 1908 г., 1909).

В исследуемое нами время на Кавказе существовали муллы, кадии и горские словесные суды, которые занимались «удовлетворением религиозных потребностей мусульманского населения... и осуществляли вытекающие из них административно-судебные функции» (*Рыбаков С.Г.*, 2001. С. 276).

Мечети в соответствии с мусульманской традицией являлись владельцами вакуфных земель (ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212). Ответственность за ежедневное исполнение молитвенных обязанностей в мечетях возлагалась на мулл. Русские власти возлагали на мулл обязанность, которая заключала в себе «быть передовыми в своем народе, понимать современные требования...» и вести за собою людей (*Матвеев В.А.*, 2004. С. 26). Муллы избирались на аульных и квартальных сходах. После проверки в горском словесном суде знания ими Корана по программе, учрежденной Наместником на Кавказе в 1876 г. или по предоставлении ими удостоверения о сдаче подобного экзамена в Закавказском суннитском духовном правлении, они утверждались в должностях начальником области. На северо-западном Кавказе существовал циркуляр от 1892 г., в соответствии с которым еще и атаман отдела должен был оценить нравственные качества и благонадежность кандидата на должность муллы и выдать ему об этом соответствующее свидетельство (См.: *Кумпан Е.Н.*, 2005. С. 182).

Число мулл определялось в соответствии с Уставом духовных дел иностранных исповеданий, по которому для каждого приходского общества полагалось по одному мулле. При больших мечетях, в зависимости от числа приписанного к ним населения, могли состоять до пяти мулл - один из них считался старшим. Помимо удовлетворения духовных потребностей населения, старшие муллы были обязаны, под наблюдением кадиев, вести метрические книги. В 1894 г. губернатор Дагестанской области поручал Дербентскому полицмейстеру «предложить шиитам, суннитам и казанским татарам, проживающим в Дербенте, избрать из своей среды мулл, ... которые вели бы списки об убытии или прибытии мусульманского населения» (ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 73. Л. 2).

Кадии, специализировавшиеся в знании мусульманского права (шариата) и выполнявшие функции судей (ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212), обязывались наблюдать за духовенством, мечетями и школами при мечетях. В составе горского словесного суда кадий, единолично или при участии приглашенного им «ученого муллы» производил испытание претендентов на духовные должности и решал брачные дела.

Учебные заведения мусульман (мектебе, медресе) открывались только с разрешения начальника области – ему предоставлялось на рассмотрение решение аульного сбора, муллы могли преподавать в школах также с разрешения областного начальства (ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212).

В целом «установленная практикой система заведования духовными делами мусульман» была сочтена «удовлетворительной и представлялось только желательным оформить в законодательном порядке ведомственную подчиненность этих горцев одному из существующих в государстве мусульманских духовных учреждений» (См.: Рыбаков С.Г., 2001. С. 277).

Таким духовным учреждением должен был выступить муфтият во главе с высшим духовным лицом – муфтием. К этому привели неоднократные донесения в правительственные инстанции, в которых нередко отмечалось, что в руках мусульманского духовенства находится умственное и нравственное развитие народа и то, что «действия мулл и кадиев» разрозненны из-за отсутствия духовного управления на Северном Кавказе (Матвеев В.А., 2004. С. 25). Нельзя при этом не отметить, что в империи существовало несколько муфтиятов – в Крыму, созданное в 1831 г., в Закавказье (1872 г.). В 1878 г. в Оренбурге и Уфе были открыты «Духовные собрания по заведыванию лицами магометанской веры». Что же касается Северного Кавказа, то здесь заведывание религиозными нуждами мусульман входило в компетенцию генерал-губернаторов. Вопрос о создании Северокавказского духовного управления оставался открытым.

С развитием новой политической ситуации в стране в начале XX в. в истории появляется такое понятие как *панисламизм** [*Панисламизм – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о единстве мусульман всего мира и необходимости их сплочения в едином мусульманском государстве. Оформился в конце XIX в. В Османской Турции и некоторых других странах, население которых исповедует ислам, правящие феодальные и буржуазные круги использовали панисламизм как орудие своей реакционной политики. См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002. С. 873]. Последователи данного направления пропагандировали свою доктрину не только в пределах Турции в начале XX в., достаточно широко развернули свою организационную деятельность в Дагестане, затем на Тереке (Матвеев В.А., 2004. С. 40). Это была основная проблема, стоявшая в центре внимания российских властей. Министр внутренних дел России П.А.Столыпин был крайне обеспокоен их деятельностью и в своем письме в начале XX в., направленном губернаторам, предлагал настоятельно «принять меры в связи с намерением Турции продвигать панисламистские идеи в России» (Арапов Д.Ю., 2004). Он настоятельно предлагал «установить самое тщательное наблюдение за появлением означенных лиц (здесь «пропагандисты из Турции». – Авт.) из Турции и при обнаружении их принимать безотлагательно решительные меры для выдворения их за пределы империи» (См.: Арапов Д.Ю., 2004).

В директивном письме по Особому отделу Департамента полиции за подписью директора Зуева панисламизм определяется следующим образом: «Главный принцип, вокруг которого сосредотачивается панисламистское движение... – это объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции с конечной целью в будущем образования всеюрьской республики...» (См.: Алексеев И.Л.). Здесь же указывается, что «строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их – сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан» (См.: Алексеев И.Л.). В одной из переписок начальников округов Терской области оговаривалось, что в Константинополе группой татар издается журнал «Тааруфуль-муслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»), имеющий широкое распространение среди татар русских подданных и направленный против России (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 396. Л. 10), и главной целью которого является «распространять среди русских мусульман идеи панисламизма и вызвать неприязнь к императорскому правительству, обвиняя его в гонении ислама, притеснениях мусульман, порабощении их школы...» (Арапов Д.Ю., 2004).

Некоторые исследователи полагают, что в идеях панисламизма можно было усмотреть мировую политику между Турцией и Россией, в которой Турция стремилась вызвать волнения мусульман Кавказа, поднять их на «священную войну» и добиться присоединения мусульманских провинций Российской империи (См.: Доного Х.М., 2004).

В местном архиве сохранились документы, свидетельствующие о панисламистской пропаганде на Кавказе в первой трети XX в. (ЦГА РД. Ф. 2; 66).

Что касается Дагестанской области, то власти постоянно следили за деятельностью местного мусульманского духовенства, религиозных школ, отдельных деятелей. Так, в нач. XX в. начальник Казикумухского округа полковник Киселев предписывал начальникам Казикумухского и Вицхинского участков об установлении негласного надзора за населением (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 8. Д. 20. Л. 248). Он предлагал принять все необходимые меры «к недопущению к преподаванию в сельских мусульманских школах лиц, получивших образование в Турции, Египте, Персии, Казанской и Оренбургской губерниях...», а также рекомендовал собрать все сведения о частных и мечетских школах и выяснить «не изучаются ли в каких-либо школах турецкий язык, турецкая история, география и другие сведения о Турции...» (ЦГА РД. Ф.2. Оп. 8. Д. 20. Л. 248). Вдобавок, особое внимание уделялось распространяющимся мусульманским журналам и газетам (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 8. Д. 20. Л. 263).

Таким образом, начавшееся в начале XX в. на мусульманских окраинах Российской империи движение за расширение сферы ислама и религиозной свободы, вылилось в формирование новой системы мусульманского образования. Здесь особое беспокойство властей вызывали мусульманские новометодные школы, берущие свое начало в Крыму, мусульманских районах Поволжья и Туркестане и развивающиеся в русле исламского реформаторства. Новометодные школы лежали в основе новой реформы религиозной школы, отличие которых состояло введением преподавания светских дисциплин вкупе с религиозными.

Среди сторонников нового веяния выделялся крымско-татарский общественный деятель Исмаил-бей Гаспринский (1851–1914), выступавший против русификации мусульманских общин России и предлагавший реформировать мусульманскую жизнь. В основу модернизации российского ислама И.Гаспринским была положена идея реформирования исламского образования путем замены схоластичного «старого метода» обучения (кадими), ограничивавшегося, главным образом, механическим заучиванием Корана и других религиозных текстов на арабском языке, на «новый метод» (джадиди). Отсюда название движения – *джадидизм*. Этот метод предусматривал «фонетизацию» чтения в процессе обучения, введение в учебный план общеобразовательных предметов: арифметики, географии, истории, родного и русского языков» (Титоренко М.Ф., Шкилева О.Г., 2008). Как отмечает А.В.Малашенко, «основной целью деятельности реформаторов-джадидов было стремление утвердить в России новометодную систему образования», с помощью которой молодое поколение мусульман должно было ознакомиться с достижениями европейской науки (Малашенко А.В., 1998. С. 32).

На Северном Кавказе движение джадидизма активизировалось в конце 1900-х – начале 1910-х гг. Глубже всего идеи джадидизма проникли в Дагестан, который к началу XX в. стал крупным исламским центром на всем Северном Кавказе, в том числе и по изданию исламской литературы (г. Темир-Хан-Шура). А наиболее активными реформаторами стали дагестанские депутаты Государственной думы И. Гайдаров и М.Далгат. Первое просветительское общество, тесно связанное с идеями джадидизма, было создано в Дагестане в начале XX в. (Бабич И.Л., 2009. С. 78). Дагестанские просветители Али Каяев и Бадави Саидов стали издавать на арабском языке газету «Джаридат Дагистан» (1913–1919), в которой публиковались статьи с критикой старых методов исламского начального и среднего образования. Али Каяев организовал новометодную школу в с. Кумух (Наврузов А.Р., 2001. С. 82–83).

Вышеуказанные школы нового типа не получили широкого распространения в изучаемом нами регионе. В начале XX века новометодные школы были открыты в 8 аулах Темир-Хан-Шураинского округа, в которых обучалось 586 учащихся (Гаджиев А.С., 1989. С. 136). По свидетельству официальных властей, новые школы «мало чем отличались от мечетских». Главное их отличие состояло в том, что новометодные школы могли открываться только непосредственно с разрешения официальных властей. Поскольку царские власти считали, что они выступали главными очагами распространения новых социальных и культурных идей и могут превратиться в крупнейшие центры общественной активности мусульман, а впоследствии стать т.н. «рассадниками» антирусской агитации (Каймарзов Г.Ш., 1989. С. 137–138).

Несмотря на то что в 1905 г. вышел «Указ об укреплении начал веротерпимости», который предоставлял всем народам свободу вероисповедания, российское правительство учредило Особое совещание по делам веры (под председательством А.П. Игнатъева). Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама, все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П.А.

Столыпиным как серьезная угроза «историческим задачам русской государственности» (Культура и политика на Кавказе...).

В начале XX века в одном из своих отчетов граф Воронцов-Дашков отмечал, что «именного от мусульманского населения Кавказа в будущем России следует опасаться сепаратизма и вспышек религиозного фанатизма, и, прежде всего из-за соседства Кавказа с мусульманскими государствами» (Всеподданнейший отчет за 8 лет..., 1913.С. 9). Но при этом им подчеркивалось, что нельзя оставлять мусульманское население «без наблюдения и игнорировать их потребности», а воздействовать на мусульман посредством их приобщения к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания (Всеподданнейший отчет за 8 лет..., 1913. С. 14).

Поэтому в дальнейшей своей политике на Кавказе, в Дагестане в частности, российское правительство, имея настороженное отношение к исламской жизни в крае, пыталось всячески ограничивать деятельность исламских реформаторов. Тем более, в начале 1910 г. в МВД были получены сведения о том, что в Турции разрабатывается план всеобщей подписи на усиление флота, причем готовилась к изданию фетва, обращенная ко всем мусульманам, в том числе и к русским мусульманам, признающих турецкого султана халифом. Фетву предполагалось прочесть во всех мечетях (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 329. Л. 119).

Таким образом, начало новой политики в области религиозного законодательства в начале XX в., привело к движению за расширение сферы ислама и религиозной свободы и формированию новой системы мусульманского образования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев И.Л. Ислам, мусульманское общественное движение и проблемы управления мусульманским населением внутренних губерний России в начале XX в. в ракурсе российской административной элиты [электронный ресурс] / <http://islamrf.ru>. (дата обращения: 09.10.2012 г.)

Арапов Д.Ю. «...Опасные для единства нашего государства проповедники...». П.А.Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Ж. «Отечественные архивы», № 3, 2004 г. [электронный ресурс]: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 09.09.2012 г.).

Бабиц И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. // Ж. «Научная мысль Кавказа». Народы Кавказа: традиции и современность. № 1. 2009. С. 78.

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002.

Всеподданнейший отчет за 8 лет Управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

Гаджиев А.С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала, 1966.

Дербентское городское полицейское управление Дагестанской области, г. Дербент (1840–1917 гг.). Переписка с военным губернатором Дагестанской области // ЦГА РД. Ф.15 Оп. 2. Д. 73

Доного Х.М. «...Обратить на настроение наших мусульман особое внимание...». Документы ЦГА Республики Дагестан о борьбе с панисламизмом в России в начале XX в. // Ж. «Отечественные архивы», № 3, 2004 г. [электронный ресурс]: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 23.10.2012 г.).

Закон о веротерпимости 17 апреля 1905 г. – Извлечения из особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. // Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С.175–182.

Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. – 159с.

Культура и политика на Кавказе в XIX – начале XX в. [электронный ресурс]: <http://gazavat.ru> (дата обращения: 11.11.2012 г.)

Кумтан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861–1917 гг.: Дис. ... к.и.н. Краснодар, 2005. – 261 с.

Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Малашенко А.В. Исламское возрождение современной России. М., 1998. – 222 с.

Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений // Научная мысль Кавказа. 1998. № 4.

- Матвеев В.А.* Российское мусульманство на Северном Кавказе: Исторические аспекты проблемы / Под ред. В.Б.Виноградова. Армавир; Ростов-на-Дону, 2004.
- Мионов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999.
- Митрофанов Г.* История русской православной церкви 1900–1927. СПб., 2002.
- Наврузов А.Р.* Джадидизм и реформа методов обучения в школах Дагестана (1913–1918 гг.) // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. М., 2001.
- Обзоры Дагестанской области за 1899 г. Ведомость № 2. Литера Б. Темир-Хан-Шура, 1900.
- Обзоры Дагестанской области за 1902 г. Ведомость № 2. Литера Б. Темир-Хан-Шура, 1903.
- Обзоры Дагестанской области за 1903–1908 гг. Ведомость № 2. Литера Б. Темир-Хан-Шура, 1904–1909 гг.
- Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3-е (1881–1913). Т. 25 (1905). Ч. 1.
- Программа модернизации России Ю.Витте // [электронный ресурс]: <http://www.newreferat.com> (дата обращения: 14.10.2012 г.)
- Рапорты начальников округов и атаманов отделов о наличии инославных общин и допущении на должности инославного духовенства иностранцев // ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 329; 396.
- Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
- Савинский С.Н.* История Евангельских христиан-баптистов Украины, России и Белоруссии (1867–1917 гг.). СПб., 1999.
- Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997.
- Титоренко М.Ф., Шкилева О.Г.* К вопросу развития образования у мусульман Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». № 3–4, 2008 [электронный ресурс]: <http://slavakuban.ru> (дата обращения: 16.01.2013 г.).
- ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7.
- ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235; Оп. 8. Д. 20.
- ЦГА РД. Ф. 43. Оп. 1. Д. 5.